

Часто употребляют слово аура по отношению к произведениям живописи. Что это такое? Наверное, талант художника, способный затронуть такие чувства и настроения человека, подчас самые глубокие и скрытые, что останавливаешься перед картиной пораженный, взволнованный — и тогда приходит миг озарения, очищения души от мелочного, суетного, ничтожного. Все это я в полной мере отношу к лучшим произведениям Эдуарда Георгиевича Браговского.

Казалось бы, изображает он простые сюжеты — “Зимний вечер”, “Снег идет”, “Голубой март”, “Весна”, “Осенние цветы”, “Мастерская”, “Наша семья”... Сколько мы видели подобных работ — в великом множестве разнообразных школ, стилей и манер.

— Главное и самое трудное в искусстве — найти собственный живописный язык, свое видение, понимание мира, отличное от других, — говорит Эдуард Георгиевич. — Не важно, что и кого ты пишешь, но как ты это делаешь, какими **своими** живописными средствами. Я вижу окружающее — природу, людей, человеческие отношения — в цвете, через цвет, цветом его ощущаю и выражаю, цветом мыслю. Горжусь тем, что принадлежу к исконной Московской школе живописи, как Суриков, Кончаловский, Лентулов, Павел Кузнецов, Петров-Водкин...

Если несколько упрощенно назвать любимые цвета Браговского, то это красное с зеленым, фиолетовое с желтым, синее с оранжевым или с лиловым. И, конечно же, холодная, напряженная и насыщенная голубизна с тончайшими и сложнейшими оттенками и переливами. В контрасте с другими тонами или с естественными переходами одного в другое. Мазки он кладет свободно, сочно, темпераментно, виртуозно выстраивая пространство, пластику и ритм цветовых отношений. Все это и создает неповторимый стиль своеобразную манеру письма. А ведь цвета-то, их созвучия, как утверждает Эдуард Георгиевич, традиционные, они — от древней русской иконописи. Поэтому он увлеченно копирует, например, фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

Не могу не привести слова художника Гелия Коржева, творчество которого со-

Простые истины Эдуарда Браговского

вершенно противоположно и тематически, и стилистически устремлениям Браговского: “Без чувства радости и восторженного удивления перед жизнью Эдуард Георгиевич не берет кисть в руки. Это чувство для него обязательное, и это чрезвычайно ценное его качество! Художник радости — довольно редкое явление: таким надо родиться. Нести же зрителю мажорное светлое восприятие окружающего — трудное, но очень нужное людям дело”.

...Браговский стоит в мастерской, среди картин. Стоит словно величественный жрец в своем храме. Говорит громко, резко, четко, без всяких недомолвок и намеков. Понимаешь, почему он столь уважаем и популярен среди сотоварищей, почему уже восемь лет он является председателем товарищества живописцев Московского союза художников, почему ему доверяют решать сложные и ответственные вопросы жизни творческого сообщества.

Но профессиональный и человеческий авторитет пришел к нему тернистыми путями. Он завоевал его ярким талантом, феноменальной работоспособностью, честным отношением к искусству, к друзьям, жесткой принципиальностью, которая стоила ему крупных неприятностей в шестидесятых-семидесятых годах. Его обвиняли в формализме, в отступлении от соцреализма и во многих других грехах. Но даже “крутые” ортодоксы из горкома и ЦК КПСС вынуждены были считаться с его негласным лидерством среди московских художников, с поддержкой, которую они ему оказывали.

А несогласие с официальными канонами в искусстве началось у Браговского еще во время учебы в Московском художественном институте имени В.И. Сурикова. Если Петр Иванович Котов, в чью мастерскую он попал, благосклонно относился к его живописным экспериментам (“пиши, как хочешь”), то после его смерти новое институтское руководство не-

сколько раз порывалось изгнать строптивого студента из института, а в 1953 году не захотело выдать ему диплом. Но через два года Браговского за несомненное дарование и многообещающие успехи на молодежных выставках приняли в Союз художников СССР. В период “оттепели” Эдуард Георгиевич становится одним из твердых шестидесятников, которые и определили дальнейшее развитие отечественного изобразительного искусства, его обновление живой жизнью, отказом от официальных догм и запретов. Но все это проходило с невероятными трудностями. Только талант и негнбимый характер Браговского могли пробить, казалось бы, незблемую стену.

В конце концов к нему пришло справедливое и широкое признание. Картины Эдуарда Георгиевича экспонировались на крупнейших выставках. Они всегда привлекали внимание посетителей яркой, своеобразной манерой письма, цветовыми, порой неожиданными находками, глубиной образного решения, что бы он ни писал: заказное панно о Москве или мартовский снег в любимой Тарусе. Писал он и целину, и древние русские города, и Армению. Тематика работ обширна — жанровая картина, пейзаж, натюрморт, портрет.

— Каково сегодняшнее положение нашего изобразительного искусства?

— Трудное. Самая страшная его беда — воинствующий дилетантизм, профессиональная неграмотность, отсутствие хорошей выучки, которую, к сожалению, не может уже дать художественный институт. Как часто видишь у молодых его выпускников плохое знание рисунка, элементарную небрежность. Словом, нет азов настоящего профессионализма, без которых не может быть художника. Раньше, чтобы быть принятым в Союз художников, нужны были серьезные доказательства профессиональной пригодности. Сейчас развелось столько разных конфедераций, федераций, объединений, которые принимают всех желающих: заплати членские взносы — и ты художник. Нелепость, несусазица какая-то! Удачливости того или иного живописца в рыночном бизнесе также не является критерием высокого творчества. Ведь

кто покупает их товар? В основном, иностранцы и богатые наши коммерсанты, которым нужны модные вещи. А мода переменчива, заимствована чаще всего из-за границы — вот и бегут вприпрыжку за ней, делают, что она диктует. Уж о каком искусстве здесь можно говорить! Его нет — есть ширпотреб.

Эдуард Георгиевич имеет право на эти горькие, но совершенно справедливые слова. Ныне лучшие его картины украшают Третьяковскую галерею, Русский музей, наверное, большинство художественных музеев России и ближнего зарубежья, а также музеи США, Англии, Испании, Германии, многие частные собрания.

— Не собирается ли вы когда-нибудь показать семейную выставку? Ведь ваша жена Наталья Любимова — интересная художница, сын Петр и дочь Аня — тоже художники...

— Ни в коем случае. Не признаю подобных выставок...

— А свою персональную?

— Нет. Теперь для меня это слишком сложно и накладно.

Очень жаль, Браговскому есть что показать из новых работ. Вот чудесный портрет жены в русском платке, мартовский пейзаж, исполненный в Переславле-Залесском, великолепное “Бабье лето”, еще несколько пейзажей. Наконец, Эдуард Георгиевич начал, по-моему, необычную для него большую жанровую картину “Комета над Москвой”, картину тревожную, трагическую. О нашем времени она.

И не парадоксально ли — у столь признанного и плодотворного мастера состоялось всего три персональных выставки — в 1971, 1982, 1991 годах. Правда, Браговский не будет размениваться показом небольших экспозиций своих работ в каких-нибудь муниципальных галереях.

Все же Эдуарду Георгиевичу в следующем году, очевидно, придется устроить выставку. Ему исполнится 75 лет. По традиции такой юбилей отмечается большой итоговой выставкой. Вероятно, друзья и поклонники Браговского “заставят” его пойти на этот, понимаю, весьма хлопотный для художника, но радостный для нас шаг.

В мастерской побывал
Евграф КОНЧИН

Э.Браговский. “Черное и белое”. 1993 г.